

[Задание желания: Переспи с человеком, которого ненавидишь больше всего]

Переспать?

В смысле — переспать?!

Зрачки Шэнь Яня расширились от шока.

В той книжке «Получив систему желаний, я достиг вершины жизни» хоть и нужно было выполнять задания, но там просили прокачивать симпатию, совершать благородные поступки или осваивать новые навыки. А почему у него-то всё свелось к торговле собственным телом?!

Это вообще приличное приложение или как?!

Шэнь Янь стремительно отстукал эти строчки на панели обратной связи.

Прошло три секунды.

Система холоднокровно ответила:

[Просим носителя не беспокоиться. Речь идёт о сне в самом обычном, буквальном смысле]

Шэнь Янь: «...»

Оу.

Ему мгновенно стало стыдно за свои пошлые мысли.

Но даже если речь шла про обычный сон, ситуация всё равно выходила крайне неловкой.

Человек, которого он сейчас ненавидел сильнее всех, определённо — и тут даже думать нечего — был Цинь Цзигуй.

Они сегодня так поругались, да и Цинь Цзигуй до этого сам прямым текстом заявил, что им лучше держать дистанцию. И вот теперь Шэнь Янь сам, виляя хвостом, приплетётся к нему и скажет: «Давай поспим вместе»? Это же пойти и с потрохами сдаться на позор!

Ну уж нет, Шэнь Янь на такое не пойдёт.

Но если не сделать... задание провалится, и придётся самому переписывать ещё больше восьми тысяч знаков...

Краткое колебание.

Шэнь Янь решительно поднялся, взял пульт от кондиционера, переключил его на обогрев, вытащил батарейки, вставил вместо них севшие из старого будильника, затем схватил свою подушку, вышел из комнаты и встал перед дверью Цинь Цзигуя.

Тук-тук.

Он постучал дважды.

Дверь быстро открылась.

Цинь Цзигуй уже переоделся в пижаму. Смоляно-черные волосы мягко спадали на лоб, на переносице сидели очки в тонкой серебряной оправе — выглядел он сейчас куда мягче, чем днём.

Впрочем, лишь самую малость.

«Всё равно выпендривается», — мысленно оценил Шэнь Янь.

Цинь Цзигуй опустил взгляд:

— Что стряслось?

Шэнь Янь заглянул в комнату. На столе горела лампа, лежала куча открытых учебников и тестов.

— Ещё не спишь?

— Ты ведь тоже, — Цинь Цзигуй прислонился к дверному косяку.

— Ещё бы! — буркнул Шэнь Янь. — А ты попробуй перепиши больше десяти тысяч знаков Устава учащихся!

Затем он задрал подбородок, изо всех сил изображая непоколебимую уверенность:

— У меня в спальне кондиционер сломался. Перебьюсь у тебя одну ночь.

Цинь Цзигуй бросил взгляд на противоположную дверь.

Шэнь Яню стало немного не по себе.

К счастью, Цинь Цзигуй быстро отвёл взгляд и отступил в сторону, сухо произнеся:

— Надень маску для сна и беруши.

—?

Цинь Цзигуй кивнул на свой рабочий стол:

— Мне ещё долго учиться. Без маски и берушей заснешь?

Вряд ли. Стоило Шэнь Яню увидеть учебу, как у него начинала гудеть голова.

Чувство самосохранения двоечника подсказало:

— Ладно, сойдёт.

И он уверенно занёс ногу, собираясь войти с видом: «Я пришёл одарить тебя своим присутствием, и это величайшая милость в твоей жизни».

Но стоило сделать шаг...

Ур-р-р.

Живот предательски заурчал.

Шэнь Янь застыл в неловкости.

Цинь Цзигуй взглянул на его живот, повернулся, достал из своего мини-холодильника коробку с десертом и положил на стол.

Шэнь Янь скосил глаза: это же его любимый дуриановый мильфей!

Притом в этой кондитерской всё разбирали мгновенно, очереди приходилось выстаивать бесконечные. Откуда у Цинь Цзигуя этот торт?

Словно прочитав его мысли, Цинь Цзигуй уронил:

— Заехал после уроков, по пути.

— О.

Шэнь Янь снова украдкой взглянул на коробку.

Но Цинь Цзигуй ведь терпеть не может запах дуриана, считает, что он воняет!

И снова Цинь Цзигуй ответил на невысказанный вопрос:

— Тебе купил.

— А? — Шэнь Янь поднял голову, опешив.

Цинь Цзигуй тем временем аккуратно снимал упаковку:

— Думал, вечером у тебя аппетита не будет, хотел на завтрак оставить. Но раз проголодался — ешь сейчас.

Шэнь Янь: «???»

Да при чём тут «когда есть»?! Суть в том, с чего вдруг Цинь Цзигуй ни с того ни с сего покупает ему десерт?! Да ещё и специально за ним ездил!

За просто так благорасположение не оказывают — либо замышляют недоброе, либо выгадывают пользу!

Шэнь Янь подозрительно уставился на него:

— Цинь Цзигуй, ты какую ещё подлянку замыслил?

Цинь Цзигуй отрицать не стал:

— Замыслил.

Шэнь Янь уже приготовился гордо фыркнуть, как тот подвинул к нему открытый десерт:

— Замыслил загладить вину.

— Хм... Чего?

Загладить вину? Кого задобрить? За что?

Шэнь Янь застыл. В Цинь Цигуя что, бес вселился?!

А тот продолжал, и вовсе не похоже было, что он шутит:

— Тогда из-за того, что я покрывал твои прогулы и драки, Хуан Шулян меня отчитал и лишил звания образцового ученика. Плюс ещё кое-какие дела... да и выпил немного. Настроение было паршивое, вот и высказал сгоряча кучу гадостей. Это моя вина. А-Янь, прости меня.

Под «кое-какими делами» он наверняка имел в виду историю с Линь Цянь. Шэнь Янь не стал вдаваться в подробности.

Но... и это всё?! Причина, по которой Цинь Цигуй целый год с ним не разговаривал — ВОТ ЭТО?!

Шэнь Яню только мемных картинок с недоумевающим лицом не хватало, чтобы выразить всю степень своего шока.

Неужели у таких любимчиков судьбы, привыкших к обожанию с малых лет, настолько ранимая гордость? Не смог пережить потерю грамоты и то, что любимая девушка предпочла другого?

Хотя Цинь Цигуй, похоже, реально влюбился в Линь Цянь... Раз такой правильный парень раз за разом нарушал правила, дрался и прогуливал ради неё, значит, увяз по уши.

Ну и потеря звания образцового ученика до кучи... Злость понять можно.

Понять?! Да черта с два!

Ему, видите ли, гордость дорога?! У него, видите ли, характер?!

Сгоряча ляпнул глупость, а когда остыл — не судьба прийти и извиниться?! Если бы Шэнь Янь сегодня сам не выложил всё начистоту, он что, ждал бы, пока из него капельницу вынут?!

Да кому нужны его извинения! Думает, как в детстве — дал кусочек торта, и всё прошло?

Мечтай дальше.

Шэнь Янь проявил недюжинную твёрдость духа и холодно усмехнулся:

— Спасибо, не надо. Я же сказал: объяснишь причину — и я к тебе больше с разговорами лезть не буду. Своё слово я держу. Так что будь добр, вбей себе в ДНК фразу: «Мы не попутчики, лучше нам держать дистанцию и идти своими дорогами». Чтобы не казалось, будто я набиваюсь к тебе в друзья!

Высказав всё, он швырнул подушку на самый дальний край кровати, нацепил беруши, натянул маску, закутался в одеяло и уткнулся лицом в стену, всем своим видом демонстрируя немое презрение.

Он был настолько холоден и непреклонен, будто вовсе не он вчера вечером на этой же самой кровати жался к Цинь Цзигую, хныкал, капризничал и умолял быть вместе всю жизнь.

«Всё ещё злится, — подумал Цинь Цзигуй. — Или, вернее... ему боль до сих пор не дает покоя».

Тётя Цинь была права: Шэнь Янь с детства был отходчивым и мягкосердечным, он никогда не таил обиду за обычную вспышку гнева.

Вот только она не знала другого: Шэнь Янь дорожил привязанностями сильнее, чем кто-либо. Разгневать его было легко, и успокоить легко, но если задеть его за живое — рана не заживала очень долго.

И именно поэтому слова, сказанные тогда, ранили его так глубоко.

Цинь Цзигуй опустил глаза, вспомнил вечер прошлым летом, день рождения Шэнь Яня. Как тот в караоке-барчике с отвращением и брезгливостью бросил Чжу Пэну и Го Ю: «Когда два парня делают такое — это же тошнотворно».

Впервые Цинь Цзигуй осознал, что его чувства к Шэнь Яню выходят за рамки братской дружбы, на первом году старшей школы, когда ему приснился тот самый сон.

Тогда он списал всё на случайность, но нечаянные порывы стали накатывать всё чаще.

А когда Линь Цянь призналась Шэнь Яню в любви, вспыхнувшая изнутри дикая, неодолимая ревность и жажда обладания окончательно доказали: его любовь — именно такая.

Для юноши, впервые познавшего любовь, это стало колоссальным потрясением. Но не успел он даже осмыслить происходящее, как в следующую минуту услышал фразочку Шэнь Яня про «тошнотворно».

В тот миг у Цинь Цзигуя осталась лишь одна мысль: он ни за что не допустит, чтобы Шэнь Янь когда-нибудь почувствовал к нему отвращение.

Но он не был уверен, что сможет и дальше скрывать свои чувства, если они продолжат общаться как ни в чём не бывало.

К тому же в его представлении Шэнь Янь должен был вырасти в окружении любви и роскоши, встретить прекрасную девушку, жениться, дожить до седины, окружённый детьми и внуками, не ведая бед и тревог. А не ступать на тернистый путь, полный чужих предрассудков и осуждения.

Именно поэтому он сказал: «Шэнь Янь, мы не попутчики».

Он искренне считал это наилучшим выходом. Но никак не ожидал, что Шэнь Янь примет всё настолько близко к сердцу.

Насколько же ему было больно, если он, напившись, цеплялся за него всю ночь, как маленький ребёнок, не пускал, умолял остаться и просил брата Цзигуя всегда быть рядом? И Цинь Цзигуй, сгорая от чувства вины и терзаний, баюкал его до самого утра.

А сегодня этот гордец снова включил недотрогу и делает вид, что ничего не было.

И в кого он такой избалованный капризник?

Да ещё и с характером.

Цинь Цзигуй посмотрел на затылок Шэнь Яня, торчащий из-под одеяла — лохматый и явно выражающий праведный гнев, — и тихо, беспомощно улыбнулся.

«Ладно, придется мне постараться ещё сильнее. Буду лучше прятать чувства, буду сдержаннее и внимательнее. Растоплю сердце моего маленького господина, и всё вернётся на свои места. Мы снова станем лучшими друзьями».

Как бы то ни было, он просто не мог позволить Шэнь Яню чувствовать себя обделённым и обиженным.

С этими мыслями Цинь Цзигуй аккуратно упаковал дуриановый мильфей и убрал обратно в холодильник.

«Этот упрямец наверняка сейчас слюной истекает. Но уже поздно, желудок испортит. Пусть лучше на завтрак съест».

А тот самый «упрямец», который, плотно натянув маску и засунув беруши, ждал, пока Цинь Цзигуй продолжит его уговаривать, и так и не дождался — был вне себя от ярости!

Этот Цинь Цзигуй вообще умеет извиняться?!

Ему что, трудно было сказать ещё пару ласковых слов?!

Гордость не позволяла Шэнь Яню подать голос, поэтому он лишь крепче стиснул кулаки, сжался в калачик и попытался заглушить голод сном. Всю ночь ему снился дуриановый торт, и он даже не заметил, когда Цинь Цзигуй лёг спать.

Единственное, что он осознал, когда проснулся — это то, что лежит звёздочкой ровно посередине широкой кровати. Ни справа, ни слева места для Цинь Цзигуя не оставалось, да и подушка его выглядела абсолютно нематой.

«Значит... Цинь Цзигуй со мной не спал?! Задание провалено?!»

От этой мысли Шэнь Янь подскочил как ужаленный. Наскоро влез в тапки, выскочил из комнаты, подбежал к своему столу и судорожно схватил тетрадь.

Одна страница, вторая, третья... Вся тетрадь была исписана! Ровно тринадцать тысяч шестьсот сорок семь знаков, включая иероглифы и пунктуацию! И всё — его собственным почерком!

На миг Шэнь Янь застыл в полном изумлении, усомнившись в реальности происходящего.

Он просто переспал в одной комнате с Цинь Цзигуем, и восемь-девять тысяч знаков Устава исписались сами собой?! И притом его почерком?! Это приложение что, реально волшебное?!

Шэнь Яню всё ещё верилось с трудом.

Он достал телефон, открыл приложение «Исполнение желаний» и увидел, что в виртуальном саду распустилась белоснежная ромашка. Ангелочек, оттопырив задок, поливал её из лейки, а рыжий котёнок кружился вокруг них.

Стоило Шэнь Яню зайти, как раздался звуковой эффект открывающейся калитки. Человечек, кот и цветок одновременно повернули головы к экрану и мило, искренне улыбнулись.

В этот момент Шэнь Янь готов был признать: это действительно безумно мило.

Но следом пришло осознание: настоящие мужики такими приложениями не пользуются! И вообще, суть не в милоте.

Главное — если предыдущие совпадения ещё можно было списать на случайность, то это уж точно за гранью разумного. Таких совпадений не бывает.

Значит, объяснение одно.

Приложение настоящее.

Система исполнения желаний — реальна.

И будущее из книги, где он обходит главного эрудита, утирает нос председателю ученического совета и взбирается на вершину жизни — тоже правда!

Выходит, если он будет с умом загадывать желания, прилежно выполнять задания и повышать уровень, то мечта превратится из последнего двоечника школы в первого ученика, утереть нос Хорьку и навсегда искоренить двойные стандарты из этого мира — больше не просто мечта!

Его золотые дни уже на пороге!

От этой мысли кровь в жилах Шэнь Яня закипела, в нём проснулся небывалый азарт. Он чувствовал себя главным героем культового сёнэна, у которого за спиной эпично заиграл саундтрек, вспыхнул божественный свет, и теперь он готов сокрушить всех врагов и взойти на Олимп!

С телефоном в руке он порывался выскочить из комнаты, чтобы поделиться радостью с Цинь Цзигуем, но едва переступил порог, как резко замер.

Нельзя ему ничего говорить.

И дело не в соглашении о конфиденциальности.

Он всё ещё злится на Цинь Цзигуя!

Нельзя давать этому гаду повод думать, будто его так легко задобрить. Иначе он никогда не поймёт, насколько был неправ.

К тому же Шэнь Янь теперь — взрослый, принципиальный мужчина. Ему следует вести себя солидно и солидно давать понять Цинь Цзигую, что он больше не тот беспомощный мальчишка, которого можно прижимать и обижать.

Шэнь Янь остановился, откашлялся, с невозмутимым видом прошёл в ванную, умылся,

переоделся, привёл в порядок причёску и лишь затем — исполненный чувства собственного достоинства, как преуспевающий бизнесмен, — неторопливо прошествовал в столовую.

Тётя Цинь, наливавшая молоко, оглядела его издалека и с удивлением спросила:

— Цзигуй, а чего это Сяо Янь с утра пораньше сияет, как гордый петушок? Случилось что-то хорошее?

— Возможно.

Цинь Цзигуй опустил взгляд на фирменную тарелку Шэнь Яня с цыплёнком, выкладывая на неё кусочек дурианового мильфея, пару черри и сваренное вкрутую яйцо. Голос его звучал вполне благодушно.

«Неужели помирились? — подумала Цинь Жу. — Хотя по петушиной осанке Шэнь Яня не похоже...»

Впрочем, расспрашивать она не стала. Эти двое росли у неё на глазах, времени вместе проводили больше, чем с родителями. Даже если и поругались — ничего страшного, сами разберутся.

— Цзигуй, а почему у тебя глаза такие красные? И синяки под глазами... Не выспался совсем?
— заботливо спросила тётя Цинь.

— Да нет, просто засиделся за учебой. Не волнуйся, тётя.

Раз он так сказал, Цинь Жу только и оставалось, что вздохнуть.

Цинь Цзигуй с малых лет был рассудительным и самостоятельным, во всём первый, поводов для беспокойства никогда не давал. Когда они с Цзянь Пином пропадали на работе и забывали про обеды или болезни ребёнка, тот никогда не жаловался, сам находил выход.

Из-за этого тёте Цинь иногда казалось, что Цинь Цзигуй — взрослый человек, которому и замечания-то делать неловко.

— Ты всё-таки ложись сегодня пораньше, — мягко попросила она. — Учёба учёбой, а здоровье дороже. Понял?

— Угу, понял, тё... Шэнь Янь! — Цинь Цзигуй не успел договорить, как заметил, что Шэнь Янь тихонько крадётся к холодильнику за баночкой ледяной колы. Он тут же нахмурился: — Не пей холодное с утра.

Шэнь Янь, застигнутый на месте преступления, замер.

Медленно повернув голову и встретившись с двумя парами строгих глаз, он нехотя вернул колу на место:

— Ладно-ладно, понял, братец Цинь Цзигуй.

«Мстительный какой», — мысленно ухмыльнулся Цинь Цзигуй и поставил перед ним тарелку:

— Ешь завтрак.

— Не надо мне твоих... а?

Мильфей?

Увидев на своей тарелке с цыплёнком кусок торта, Шэнь Янь запнулся.

Он-то думал, что после его вчерашнего демарша Цинь Цзигуй просто выбросит десерт, который считал «вонючим».

А он не выбросил.

И даже уберёт от посторонних запахов в холодильнике.

Поморщившись для вида, Шэнь Янь отломил кусочек вилкой. Настроение, и без того хорошее, поднялось ещё выше.

— Ну... сойдёт, — высокомерно оценил он.

— Раз сойдёт — ешь быстрее, а то Хуан Шулян опять орать будет за опоздание, — произнёс Цинь Цзигуй, привычным движением очищая для него яйцо.

Шэнь Янь с удовлетворением кивнул:

— А наш молодой господин Цинь, оказывается, тот ещё убийца яиц!

Цинь Цзигуй с невозмутимым лицом положил яйцо ему в тарелку:

— Ну да. Я ведь тоже не знал, что наш молодой господин Шэнь — та ещё кошечка.

Шэнь Янь, успевший забыть о вчерашнем позоре с мяуканьем: «...»

Урон не критический, но морально уничтожает наповал.

Всякое желание язвить у Шэнь Яня тут же пропало. Он принялся свирепо орудовать вилкой, представляя на месте еды лицо Цинь Цзигуя. Он заглатывал кусок за куском, уничтожая завтрак со скоростью голодного дикого кота.

В итоге в класс он успел тютелька в тютельку до звонка.

— Охренеть, Брат Янь! Ты сегодня НЕ ОПОЗДАЛ?! — Чжу Пэн на задней парте аж баоцзы подавился от изумления.

Шэнь Янь лениво окинул его взглядом, бросил портфель на стол и уселся на стул:

— Не говори так, будто я каждый день опаздываю.

Он не настолько забивал на школьные правила — ну, максимум раз-два в неделю опаздывал.

— Так сегодня же другой случай! — Чжу Пэн с трудом проглотил ком из теста и мяса. — Ты же вчера вечером ходил врагов отслеживать! Обычно после такого ты высыпаешься до полудня, типа «силы восстанавливаешь».

Шэнь Янь поморщился. Упоминание о вчерашней вылазке снова испортило ему настроение.

Если бы не Цинь Цзигуй, он бы вчера точно скрутил того гада. А теперь придётся опять идти вечером на Заднюю улицу и надеяться на удачу.

Но Чжу Пэн чужого недовольства не заметил. Он продолжал увлечённо жевать и сплетничать:

— Кстати, Брат Янь, ты слышал?

— Что ещё? — Шэнь Янь доставал тетради, не поднимая головы.

Чжу Пэн подался вперёд и понизил голос:

— Да про Цинь Цзигуя!

Шэнь Янь поднял глаза и нахмурился.

— Говорят, вчера вечером Цинь Цзигуй ходил драться с теми парнями из Чжигао, которые приставали к Линь Цянь! Настылял им по полной! На форуме Чжигао уже фотки висят. Там такое пишут: и «герой спасает красавицу», и «рыцарский турнир», и «битва не на жизнь, а на...»

Бам!

Шэнь Янь со всей дури хлопнул учебником по столу.

Чжу Пэн от неожиданности вздрогнул и уронил баоцзы на пол. Судорожно подняв его и отряхнув пыль, он пролепетал:

— Брат Янь, ты чего взъелся-то? Это же отличная новость! Раздуют скандал — Цинь Цзигую точно достанется! Ты же его больше всех ненавидишь?

— Да, ненавижу! — рявкнул Шэнь Янь, подняв на него темный взгляд. — Поэтому не смей при мне упоминать его имя! Тошнит уже! Жив он, мёртв, как он там — мне глубоко плевать!

С этими словами он резким движением поднялся и выскочил из класса в сторону туалета.

Цинь Цзигуй... Стоило один раз разозлиться — и он тут же объявляет об относительном разрыве. А когда изволил извиняться — сделал это без капли искренности! Да ещё и подкалывает его этой историей с мяуканьем! Достал уже, сил нет!

Так что Шэнь Янь злился вовсе не из-за него!

Его просто бесило это имя!

С этими мыслями Шэнь Янь подошёл к мужскому туалету, но не успел шагнуть за порог, как изнутри донеслись два ехидных, язвительных голоса.

— Видал этого Цинь Цзигуя? Целыми днями ходит с миной покойника, баллы снимает, из себя святошу строит... А на деле — обычный задира, устроивший махач из-за девки!

— Ой, да ладно тебе! Наша драка и его драка — разные вещи. Он же любимчик Хорька! Даже если подерётся, Хорёк первым делом спросит, не болят ли у сыночка ручки и сможет ли он снова выбить первое место на олимпиаде.

— Хех, а ведь у Цинь Цзигуя ни отца, ни матери... Может, он и впрямь внебрачный сынок Хорька?

— Ха-ха! А ведь если подумать, жалко парня: без родителей, на чужих хлебах, перед всеми выслуживаться приходится. Вот у ущербных всегда так.

— В смысле?

— Ну, понтов дофига.

— Ха-ха-ха, точно! В точку скажу... Бля! Шэнь Янь?! Ты совсем охренел?!

Договорить один из сплетников не успел. Шэнь Янь мёртвой хваткой вцепился ему в воротник и с размаху швырнул о стену.

Спина с глухим стуком врезалась в кафель, от резкой боли парень зашипел и отчаянно заматерился.

Шэнь Янь сжимал его ворот, мышцы на его руке натянулись как струны, но взгляд оставался абсолютно ледяным, а голос звучал отстранённо и сухо:

— Да так, ничего. Просто учу тебя, что не про всех подряд можно языком чесать.

<http://bllate.org/book/20611/2115639>